

Михаил Ломоносов

**Михаил Васильевич
Ломоносов - об авторе**

**Ломоносов Михаил
Михаил Васильевич
Ломоносов - об авторе**

Михаил Васильевич Ломоносов: об авторе Ломоносов, Михаил Васильевич - один из величайших русских поэтов и ученых (1711 - 1765). Это хорошо сознавали уже лучшие его современники. "Он наших стран Малгерб, он - Пиндару подобен!" - писали о его стихах даже его враги; "все научные мемуары Ломоносова - не только хороши, но даже превосходны", - говорит о его научных работах знаменитый Эйлер. Им, как и Державиным, зачитывались чуть не вплоть до самого Пушкина. "Уважаю в Ломоносове великого человека, но, конечно, не великого поэта", писал Пушкин; "между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом". Выдвигая великие заслуги Ломоносов в истории русской науки и русского просвещения, деятельность Ломоносова, как "российского Пиндара", Пушкин считает ни за что. "Оды его... утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и

точности, отсутствие всякой народности и оригинальности - вот следы, оставленные Ломоносовым". Крайность этого отзыва в другом месте умеряется самим Пушкиным: он говорит о народности языка Ломоносова, о высокой поэтичности его духовных од, которые "останутся вечными памятниками русской словесности". Белинский окончательно восстановил поколебленную славу Ломоносова как поэта. Называя взгляд Пушкина на Ломоносова "удивительно верным, но односторонним", Белинский указывает на великое значение поэзии Ломоносова в общем историческом ходе нашего литературного развития. "Во времена Ломоносова, - говорит Белинский, - нам не нужно было народной поэзии; тогда великий вопрос - быть или не быть заключался для нас не в народности, а в европеизме... Ломоносов был Петром Великим нашей литературы... Не приписывая не принадлежащего ему титула поэта, нельзя не видеть, что он был превосходный стихотворец, версификатор... Этого мало: в некоторых стихах Ломоносова, несмотря на их декламаторский и напыщенный тон, промелькивает иногда по-

этическое чувство - отблеск его поэтической души... Метрика, усвоенная Ломоносовым нашей поэзии, есть большая заслуга с его стороны: она сродна духу русского языка и сама в себе носила свою силу... Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси". Действительно, в деле общего духовного - а вместе и литературного - возрождения России Ломоносов был непосредственным продолжателем Петра Великого. Своими разнообразными учеными трудами, как и своими поэтическими произведениями, Ломоносов дал реформам Петра живое, фактическое приложение в области литературы и науки. Сын беломорского крестьянина-рыбака, 20-летним "болваном" кое-как попавший в учебное заведение, Ломоносов в дальнейшей своей деятельности в одно и то же время выступает физиком, химиком, геологом, поэтом, оратором, филологом, историком, даже публицистом. Для осуществления идей Петра в Ломоносове нашлись гигантские силы. О первых годах жизни Ломоносова имеются крайне скудные сведения. Он родился 8 ноября 1711 г., в селе Денисовке, Архан-

гельской губернии, Холмогорского уезда, в крестьянской, довольно зажиточной семье. Его отец занимался рыбным промыслом и нередко совершал большие морские поездки. Мать Ломоносова, умершая очень рано, была дочерью дьякона. Отец, по отзыву сына, был по натуре человек добрый, но "в крайнем невежестве воспитанный". Из двух мачех Ломоносова вторая была "злая и завистливая". Лучшими моментами в детстве Ломоносова были, по-видимому, его поездки с отцом в море, оставившие в его душе неизгладимый след. Нередкие опасности плавания закаляли физические силы юноши и обогащали его ум разнообразными наблюдениями. Влияние природы русского севера легко усмотреть не только в языке Ломоносова, но и в его научных интересах: "вопросы северного сияния, холода и тепла, морских путешествий, морского льда, отражения морской жизни на суше - все это уходит далеко вглубь, в первые впечатления молодого помора"... (Вернадский "Ломоносовский Сборник", II, 144). Его окружали предания о великих делах Петра Великого, которых и доселе не мало сохранилось

на севере. Еще от матери Ломоносов научился читать и получил охоту к чтению; позднее она, по-видимому, была поддержана в нем поморами-старообрядцами. Рано, по-видимому, зародилось в Ломоносове сознание необходимости "науки", знания. "Вратами учености" для него делаются откуда-то добытые им книги: "Грамматика" Смотрицкого, "Арифметика" Магницкого, "Стихотворная Псалтырь" Симеона Полоцкого. В Москву Ломоносов ушел с ведома отца; один из местных крестьян поручился даже во взносе за него податей; но, по-видимому, отец отпустил его лишь на короткое время, почему он потом и числился "в бегах". В "Спасские школы", то есть в Московскую славяно-греко-латинскую академию, Ломоносов вступил в 1731 г. и пробыл там около 5 лет. Из дошедшего до нас письма Ломоносова к И.И. Шувалову видно, какие физические лишения, какую душевную борьбу пришлось выдержать Ломоносову за время пребывания его в академии. В научном отношении оно принесло ему немалую пользу: он не только приобрел вкус вообще к научным занятиям, но изучил латинский язык, ознакомился и во-

обще с тогдашней "наукой", хотя и в обычной для того времени схоластической форме разных "пиитик", "риторик" и "философий". Другим счастливым фактом ранней жизни Ломоносова был вызов со стороны Академии Наук 12 способных учеников "Спасских школ". В 1736 г. трое из них, в том числе Ломоносов, были отправлены Академией Наук в Германию, для обучения математике, физике, философии, химии и металлургии. За границей Ломоносов пробыл пять лет: около 3 лет в Марбурге, под руководством знаменитого Вольфа, и около года в Фрейберге, у Геннеля; с год провел он в переездах, был, между прочим, в Голландии. Из Германии Ломоносов вынес не только обширные познания в области математики, физики, химии, горном деле, но в значительной степени и общую формулировку всего своего мировоззрения. На лекциях Вольфа Ломоносов мог выработать свои взгляды в области тогдашнего так называемого естественного права, в вопросах, касающихся государства. В июне 1741 г. Ломоносов вернулся в Россию и вскоре назначен был в академию адъюнктом химии. В 1745 г. он хло-

почет о разрешении читать публичные лекции на русском языке; в 1746 г. о наборе студентов из семинарий, об умножении переводных книг, о практическом приложении естественных наук. В то же время Ломоносов усиленно ведет свои занятия в области физики и химии, печатает на латинском языке длинный ряд научных трактатов. В 1748 г. при Академии возникают Исторический Департамент и Историческое Собрание, в заседаниях которого Ломоносов вскоре начинает вести борьбу с Миллером, обвиняя его в умышленном принижении в научных исследованиях русского народа. Он представляет ряд записок и проектов с целью "приведения Академии Наук в доброе состояние", усиленно проводя мысль о "недоброхотстве ученых иностранцев к русскому юношеству", к его обучению. В 1749 г., в торжественном собрании Академии Наук, Ломоносов произносит "Слово похвальное императрице Елизавете Петровне", имевшее большой успех; с этого времени Ломоносов начинает пользоваться большим вниманием при Дворе. Он сближается с любимцем Елизаветы И. И. Шуваловым, что создает ему массу

завистников, во главе которых стоит Шумахер. При близких отношениях к Шувалову козни Шумахера делаются для Ломоносова не страшными; он приобретает и в Академии большое влияние. Под влиянием Ломоносова совершается в 1755 г. открытие Московского университета, для которого он составляет первоначальный проект, основываясь на "учреждениях, узаконениях, обрядах и обычновениях" иностранных университетов. Еще раньше, в 1753 г., Ломоносову, при помощи Шувалова, удается устроить фабрику мозаики. В том же году Ломоносов хлопочет об устройстве опытов над электричеством, о пенсии семье несчастного профессора Рихмана, которого "убило громом"; особенно озабочен Ломоносов тем, "чтобы сей случай (смерть Рихмана во время физических опытов) не был протолкован противу приращенния наук". В 1756 г. Ломоносов отстаивает против Миллера права низшего русского сословия на образование в гимназии и университете. В 1759 г. он занят устройством гимназии и составлением устава для нее и университета при Академии, при чем опять всеми

силами отстаивает права низших сословий на образование, возражая на раздававшиеся вокруг него голоса: "куда с учеными людьми?". Ученые люди доказывает Ломоносов, - нужны "для Сибири, для горных дел, фабрик, сохранения народа, архитектуры, правосудия, исправления нравов, купечества, единства чистые веры, земледельства и предзнания погод, военного дела, хода севером и сообщения с ориентом". В то же время идут занятия Ломоносова по Географическому Департаменту; под влиянием сочинения его: "О северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном" в 1764 г. снаряжается экспедиция в Сибирь... Среди этих неустанных трудов Ломоносов умирает, 4 апреля 1765 г. Незадолго до смерти Ломоносова посетила императрица Екатерина, "чем подать благоволила новое Высочайшее уверение о истинном люблении и попечении своем о науках и художествах в отечестве" ("Санкт-Петербургские Ведомости", 1764). В конце жизни Ломоносов был избран почетным членом Стокгольмской и Болонской академий наук. - Ломоносов женился еще за границей, в 1740 г., в Марбурге, на Ели-

завете Цильх. Семейная жизнь Ломоносова была, по-видимому, довольно спокойной. Из детей после Ломоносова осталась лишь дочь Елена, вышедшая замуж за Константинова, сына брянского священника. Ее потомство, как и потомство сестры Ломоносова, в Архангельской губернии, существует донныне. Ломоносов похоронен в Александро-Невской лавре. Уже Пушкин подчеркнул необычайное разнообразие трудов Ломоносова. "Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник". Трудность положения Ломоносова заключалась в том, что ему, как Петру Великому, разом приходилось делать десять дел, - и "читать лекции", и "делать опыты новые" (по физике и химии), и "говорить публично речи и диссертации", и "сочинять разные стихи и проекты (надписи) к торжественным изъявлениям радости (к иллюминациям и фейерверкам)", и "составлять правила красноречия", и "историю своего отечества" - и все это в добавок "на срок

ставить". Личные симпатии Ломоносова видимо склонялись к физике и химии; но его "ученый гений" одинаково "блистательно" сказывался и в таких его трактатах, как "Слово о происхождении света" (1756), "Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих" (1753), и в "Русской Грамматике" (1755) или в трактатах чисто публицистического характера. Для своих современников Ломоносов был прежде всего поэтом. Первые поэтические произведения Ломоносова были присланы им еще из-за границы, при "Отчетах" в Академию Наук: французский перевод в стихах "Оды Фенелона" (1738) и оригинальная "Ода на взятие Хотина" (1739). В сущности этим начиналась новая русская литература, с новыми размерами стиха, с новым языком, отчасти и с новым содержанием; но современникам первые оды Ломоносова не тотчас напечатанные, долго, по-видимому, не были известны, и среди самих академиков обратили внимание, кажется, лишь одного Тредьяковского. Ко второй оде было приложено Ломоносовым "Письмо о правилах российского стихотворства", где автор выступает против

Тредьяковского. Тредьяковский тотчас написал на "письмо" критический ответ, но последний не был послан по назначению академической конференцией, "чтобы на платеж за почту денег напрасно не терять". Славу поэта Ломоносов приобретает лишь по возвращении своем из-за границы; оды его с этого времени быстро следуют одна за другой, одновременно с обязательными для него переводами на русском языке различных "приветствий", писавшихся по-немецки академиком Штелином. В августе 1741 г. посвящает вторую оду, а в декабре того же года он переводит написанную Штелином немецкую оду к новой императрице, где говорится совершенно обратное тому, что сказано в двух предшествовавших одах. Со вступлением на престол Елизаветы Петровны поэтическая деятельность Ломоносова ставится в несравненно более счастливые условия: его похвалы делаются вполне искренними. В 1747 г., после утверждения императрицей Елизаветой нового устава для Академии Наук и Академии Художеств, Ломоносов пишет оду: "Радостные и благодарственные восклицания Муз Россий-

ских", где, по выражению Мерзлякова, "дышит небесная страсть к наукам"; поэт прославляет императрицу за покровительство наукам и искусствам и вместе воспеваает Петра Великого и науки, "божественные чистейшего ума плоды"; здесь же он обращается к новому поколению России, призывая его к просвещению, наукам. Одами приветствует Ломоносов и Екатерину II, сравнивая новую императрицу с Елизаветой и выражая надежду, что Екатерина II "золотой наукам век оставит и от презрения избавит возлюбленный Российский род". Он приветствует начинания Екатерины в пользу русского просвещения и воспитания. Кроме торжественных од, Ломоносов уже с 1741 г. поставляет стихотворные надписи на иллюминации и фейерверки, на спуск кораблей, маскарады. Он пишет по заказу даже трагедии ("Тамира и Селим", 1750; "Демофонт", 1752), проводя, при каждом случае, свою основную идею: необходимость для России образования, науки. В этом отношении с одами Ломоносова ближайшим образом связаны и так называемые его "Похвальные слова" Петру Великому и

Елизавете Петровне. В сущности, это - те же оды, как и другие произведения Ломоносова, где рядом с обычной, обязательной лестью, "мглистым фимиамом", прославляются "дела Петровы" или вообще доказывається важность образования. Везде мы видим стремление автора выразить так или иначе свои просветительные общественные идеалы, подчеркнуть те задачи, от исполнения которых зависит счастье России. Всюду проглядывает глубокая мысль, часто встречаются реальные указания на то, что действительно нужно было России (Пыпин). В "рифмичестве" Ломоносова нередко сверкали искры истинной, неподдельной поэзии. Чаще всего это случалось тогда, когда Ломоносов "пел" о значении науки и просвещения, о величии явлений природы, о предметах религиозных. Лучшими поэтическими произведениями Ломоносова были духовные оды. Уже к 1743 г. относятся оды: "Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого сияния" и "Утреннее размышление о Божием величестве", полные религиозного чувства и вместе с тем свидетельствующие о научных интересах автора. "Вечернее

размышление", по словам самого Ломоносова, содержит его "давнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может". Истинным поэтом Ломоносов был и в тех случаях, когда в стихах касался "любезного отечества". Это именно и придавало в его глазах цену его поэтическим произведениям, возвышало их над "бедным рифмичеством". Вообще Ломоносов смотрел на свои стихотворения, главным образом, с чисто практической, общественной стороны, видел в нем лишь наиболее удобную форму для выражения своих прогрессивных стремлений. Как присяжный песнотворец, Ломоносов считал обязательными для себя и другие формы поэзии: писал эпиграммы, шуточные стихотворные пьесы, произведения сатирические и т. п. При общей бедности тогдашней русской жизни пьесы эти иногда вызывали целые бури, порождали резкую полемику. Такую бурю - которая могла быть небезопасной для автора - вызвало, например, до самого последнего времени остававшееся ненапечатанным стихотворение Ломоносова: "Гимн бороде" (1757) - сатира, направленная не только

против раскольников, но и против всех, кто, прикрываясь знаменем церкви, "покровом святости", на самом деле был врагом знания и прогресса. Стихотворение Ломоносова постановлено было "через палача под виселицею сжечь", а самому автору было поставлено на вид, какие "жестокие кары грозят хулителям закона и веры"... Поэзия Ломоносова стояла всецело на почве пресловутого псевдоклассицизма. С последним Ломоносов познакомился в Германии как с теорией, господствовавшей тогда всюду в Европе. Эту теорию Ломоносов ввел и в нарождавшуюся русскую литературу, где она потом и господствовала во все продолжение XVIII века. Поэзия в то время и на Западе не имела самостоятельного права на существование: она признавалась лишь в качестве развлечения, "отдохновения от дел", "летом вкусного лимонада", или должна была нести чисто практическую службу, в буквальном смысле "учить" общество, давать ему мораль, практически нужные советы и указания. К этому присоединялись фактические отношения поэзии ко двору, в котором концентрировалась жизнь страны. С тем же обще-

ственным положением, с тем же характером, "литература" явилась и в России. Ломоносов усвоил себе общепринятую тогда манеру писания, надел на себя общепринятый поэтический костюм. В одах Ломоносова не могло не быть той высокопарности, надутости, даже лести, которые вообще были обязательны для тогдашних поэтов. Но в западном псевдоклассицизме была и другая, более важная сторона. Ложноклассические оды и при дворе, и в обществе нравились не только разлитым в них "лилейным фимиамом", но и "прелестью стиха". Подобно Малербу и Буало для французской литературы, Готшеду - для немецкой, Ломоносов в сфере русской поэзии является, главным образом, чисто формальным реформатором: преобразователем литературного языка и стиха, вводителем новых литературных форм. Он вполне сознает, что литература не может идти вперед без формальной правильности в языке и стихе, без литературных форм. Сюда направлены и чисто ученые труды Ломоносова, относящиеся к области русского литературного языка и русского стихосложения. Важнейшими трудами этого рода

Ломоносова были: "Российская Грамматика" (1755 - 1757), "Рассуждение о пользе книги церковных в российском языке" (1757) и "Письмо о правилах российского стихотворства", или "Рассуждение о нашей версификации" (1739). Чтобы вполне оценить значение этих трудов в истории развития и выработки русского литературного языка, необходимо иметь в виду то общее положение, в каком находился наш литературный язык с XI века по конец XVII-го и особенно с эпохи реформ Петра. В древнерусской письменности с самого начала установилось крайне резкое различие между языком литературным, языком "книги" и живым говором народа, разговорной речью. Это различие удерживается до конца XVII века; в продолжение семи столетий собственно русский язык не имеет права гражданства в литературе, "литературным языком" служит язык церковно-славянский. Только изредка, по оплошности писца, живая речь народа ненароком попадает в книгу, как случайная, бессознательная примесь. Чем дальше, тем сильнее выступает условность грамматических форм, оборотов, крайняя ис-

кусственность правописания, стиля и выражений. С XV века в литературе быстро развивается характерное "плетение словес"; в XVI-XVII веках к нему присоединяется еще пресловутое московское "добрословие" крайнее многословие, вычурное и напыщенное. С XVI века в литературном языке московской Руси с особой резкостью начинает обнаруживаться влияние языков западнорусского и польского; к полонизмам и прямо заимствованным западнорусским и польским словам примешивается масса латинизмов, которым особенно покровительствуют обе академии, Киевская и Московская; несколько позднее начинают во множестве проникать слова немецкие, голландские, шведские. С реформами Петра Великого в русском литературном языке наступает самая пестрая хаотическая смесь, бессвязная масса совершенно необработанных элементов. Это была эпоха полного хаотического брожения; новые элементы представляли богатые зачатки дальнейшего развития, но не было ничего сколько-нибудь стройного, органического. Лишь Ломоносов, со свойственной ему гениальностью сумел

разобраться в грудe совершенно сырых, необработанных материалов; подметив главные, основные элементы, он выделил их из хаотической смеси и поставил в те довольно стройные взаимоотношения, которые под его рукой получает наш литературный язык. Его "Российская Грамматика" впервые проводит резкую грань между языками русским и церковно-славянским, между речью разговорной и "славенщиной"; языку церковно-славянскому, языку "церковных книг" впервые противопоставляется язык русский, "гражданский", живой говор народа, или, как выражается Ломоносов, "простой российский язык", "слова простонародные", "обыкновенные российские". Признавая близкую взаимную связь обоих языков, Ломоносов устанавливает полную самостоятельность каждого из них и впервые подвергает специально строго научному изучению законы и формы языка собственно русского. В этом и заключается величайшее значение филологических трудов Ломоносова. К изучению русской грамматики Ломоносов впервые применил строгие научные приемы, впервые определенно и точно

наметив отношения русского литературного языка к языку церковно-славянскому, с одной стороны, и к языку живой, устной речи, с другой. Этим он положил прочное начало тому преобразованию русского литературного языка, которое круто повернуло его на новую дорогу и обеспечило его дальнейшее развитие. Ломоносов вполне сознает значение так называемой фонетики, необходимость идти в изучении языка от живой речи. Приемы научного исследования, которым следует в своих филологических изучениях русского языка Ломоносов - приемы естествоиспытателя. Выводы свои он основывает на ближайшем, непосредственном обследовании самых фактов языка: он дает длинные списки слов и отдельных выражений русского языка, сравнивает, сопоставляет группы фактов между собой, и лишь на основании таких сличений делает выводы. Вообще в принципе лингвистические приемы Ломоносова те же, которых наука держится и в настоящее время. Изучая живой русский язык, Ломоносов все разнообразие русских наречий и говоров сводит к трем группам или наречиям, "диалектам": 1)

московское, 2) северное или поморское (родное для Ломоносова) и 3) украинское или малороссийское. Решительное предпочтение Ломоносов отдает московскому, "не токмо для важности столичного говора, но и для своей отменной красоты". Начало, которое должно объединять различные русские говоры, Ломоносов видит в языке церковно-славянском. Язык церковных книг должен служить главнейшим средством очищения русского литературного языка от наплыва слов иностранных, иноземных терминов и выражений, чуждых русскому языку, этих "диких и странных слова нелепостей, входящих к нам из чужих языков". Вопрос об иностранных словах справедливо кажется Ломоносову особенно важным в виду страшного наплыва в русский язык, за период петровских реформ, иностранных слов. Этим вызывается специальное исследование Ломоносова: "О пользе книг церковных в российском языке". Оно, главным образом, посвящено вопросу о взаимных отношениях элементов церковно-славянского и русского в языке литературном, - известному учению о "штилях". От степени

влияния на русский литературный язык элемента церковно-славянского получается, по взгляду Ломоносова, тот или другой оттенок в языке, так называемой "слог" или "штиль". Ломоносов намечает три таких оттенка или "штиля": "высокий", "средний" и "низкий". Введение "штилей" отчасти было практически необходимо. Прямо перейти к живому языку было невозможно не только потому, что это было бы слишком резким нововведением, слишком большой "ересью", но и потому, - и это главное, - что тогдашний живой русский язык еще не был настолько развит, чтобы стать достаточным орудием для выражения новых понятий. Исход из затруднения Ломоносов нашел в средней мере: в простом соединении славянского и русского элементов, в введении штилей, а также в прямых заимствованиях из иностранных языков. Видимое предпочтение Ломоносов отдал церковно-славянскому языку, как языку уже выработанному, приспособленному и к "высокому" стилю, между тем как в живом русском языке не находилось "средств для передачи отвлеченно научных понятий, какие были необхо-

димы для новой литературы". Языки русский и церковно-славянский Ломоносов поставил в слишком близкую связь, русский язык даже как бы подчинился церковно-славянскому; этим была обусловлена реформа в языке, произведенная Карамзиным. - Наша новейшая орфография в наиболее существенных чертах создана Ломоносовым. - Развивая, совершенно самостоятельно, мысль Тредьяковского о тоническом стихосложении, Ломоносов внес в это дело поэтическое дарование, которого совершенно был лишен Тредьяковский. "Русская Грамматика" Ломоносова, его "Рассуждение о пользе книг церковных", "Письмо о правилах российского стихотворства", вместе с практическим осуществлением этих правил в собственном "стихотворстве" Ломоносова, раз навсегда решили важнейший для нашей литературы вопрос, вопрос, можно сказать, самого ее существования - о средствах к широкому и свободному развитию, тот вопрос, который в итальянской литературе был решен еще в XIV веке, во французской в XV - XVI веках, в английской и немецкой в XVI веке. При всей важности научных трудов Ломоно-

сова в области русского языка, в общей академической деятельности они были для него в известной степени побочными: его главной специальностью было естествознание, и гений Ломоносова здесь проявлялся с еще большей силой и блеском. Со всею очевидностью это обнаружилось лишь в самое последнее время, благодаря многочисленным детальным исследованиям целого ряда специалистов. Сюда относятся, прежде всего, академические издания: "Ломоносовский Сборник. Материалы для истории развития химии в России" (СПб., 1801); "Труды Ломоносова в области естественноисторических наук" (СПб., 1911; здесь собраны труды Б. Н. Меншуткина, Н. А. Иоссы, Ю. М. Шокальского, В. И. Вернадского); более поздний академический "Ломоносовский Сборник" (СПб., 1911); где помещены исследования академика Вальдена, профессора Курилова, Б. Н. Меншуткина, В. И. Вернадского; речи, прочитанные специалистами-естествоиспытателями в торжественном заседании Академии Наук 8 ноября 1911 г. "Наиболее удачно, - говорит профессор Меншуткин, разработаны Ломоносовым два

основных вопроса физики: о сущности тепла и о газообразном состоянии тел. Согласно его механической теории теплоты, последняя есть внутреннее невидимое движение тел, именно движение составляющих их частичек; при помощи ее Ломоносов удовлетворительно объяснил все явления, связанные с теплотой, и совершенно отвергал существование тепловой материи или теплотвора, который признавался всеми учеными до 60-х годов XIX века. Лишь через 110 - 120 лет после Ломоносова начинает распространяться ныне общепринятое воззрение на теплоту как на движение частиц тепла. Ломоносов интересовался не только грозами, но и метеорологией в ее целом, вполне сознавал всю важность предсказания погоды и стремился устроить метеорологические станции, пытался при помощи самопишущих инструментов исследовать верхние слои атмосферы: эти мысли были осуществлены только в самом конце XIX столетия. В последние годы жизни он отдается исследованию силы тяжести при помощи маятников; пишет большое руководство учебного мореплавания с многочисленными но-

выми приборами; составляет диссертацию о ледяных горах, где проходит к совершенно верному выводу, что эти горы могут образоваться только у берегов морей из пресной воды; снаряжает морскую экспедицию для изучения северных морей. Наконец, он делает замечательное открытие даже в астрономии: при прохождении планеты Венеры через солнечный диск в 1761 г. Ломоносов увидел то, чего не заметили десятки астрономов, наблюдавших это явление, а именно, что планета Венера окружена большой атмосферой. И во всех этих работах мы видим, как и в более ранних, богатство новых идей и взгляды, зачастую приближающиеся к теперешним". Говоря об общих взглядах Ломоносова на изучения в области химии, академик Вальден замечает: "Если мы сравним гигантскую программу физико-химических опытов Ломоносова с современным состоянием физической химии, например, по классическим учебникам Оствальда, то нас прямо поразит общность научного материала задуманной Ломоносовым и созданной в продолжение 150 лет физической химии... Даже новейшая область фи-

зикохимии, химия коллоидов, Ломоносова не забывается; им уже предчувствуется связь химии с электричеством... Его взгляды настолько современны, и изложение их настолько свежо, что при чтении их мы забываем, что полтора столетия разделяют нас, современных физико-химиков, от того, кто может быть назван "отцом физической химии"... Особенно нас, химиков, привлекают его взгляды на происхождение янтаря, его гипотезы образования каменного угля, смолы, асфальта и нефти... Мне кажется, Ломоносов еще до времен Лавуазье мог бы легко создать свою эпоху химии. Будь он верный и терпеливый исполнитель всех намеченных им теоретических и экспериментальных планов, он совершил бы перерождение химии не в химию конца XVIII века: его новая химия явилась бы соперницей физической химии конца XIX века". "Если бы Ломоносов, - пишет профессор Курилов, - не наметил законов постоянства веса, не обосновал первого принципа термодинамики, не прорецензировал основных положений атомической теории, то он, только на основании своих "Элементов математической

химии", должен был бы быть признан провозвестником и родоначальником современной физической химии". Приведя программу для химических исследований, изложенную Ломоносовым в "Слове о пользе химии", профессор Курилов замечает: "Эти золотые слова, сказанные 160 лет тому назад, сохраняют свою силу свежесть и для данного момента: они должны служить руководством при составлении учебных планов факультетского преподавания химии; их следует иметь пред собой каждому, кто готовит себя к работам по химической специальности". Говоря о работах Ломоносова по геологии и минералогии, академика Вернадский замечает: "Среди всех работ Ломоносова в этой области знаний резко выделяется его работа о слоях земных. Она является во всей литературе XVIII века - русской и иностранной - первым блестящим очерком геологической науки. Для нас она интересна не только потому, что связана с научной работой, самостоятельно шедшей во главе человеческой мысли, сделанной в нашей среде, но и потому, что она в значительной мере основана на изучении природы на-

шей страны; при этом она сделана раньше той огромной работы описания России, которая совершена была натуралистами, связанными с Академией Наук, в течение царствования императрицы Екатерины II...". Идеи и начинания Ломоносова, как естествоиспытателя, при его жизни были поняты и оценены лишь очень немногими отдельными специалистами, как Эйлер. Насколько исключительно было положение Ломоносова как гениального мыслителя и провозвестника великих идей, настолько печальна была судьба, постигшая плоды его ученого творчества. "Современники Ломоносова, - говорит профессор И. А. Каблуков ("Ломоносовский сборник"), - за исключением немногих отдельных личностей, не понимали и не ценили трудов его по физике и химии. Граф М. Л. Воронцов, например, смотрел на электрическую машину как на "дерзкое испытание тайн природы"; В. А. Нащокин с иронией указывал, что Рихман машиной старался спасти людей от грома и молнии - и сам же был убит.

Не понимали и не ценили трудов Ломоносова даже люди, которые стояли близко к нау-

ке и просвещению, его ближайшие товарищи по академии, даже его непосредственные заместители по академической кафедре. Заговорили о Ломоносове лишь через 90 лет после его смерти и заговорили впервые в Московском университете, когда пришлось вспомнить, что Ломоносов был его основателем... На труды Ломоносова обратили надлежащее внимание лишь в 1900 г., когда исполнилось 150 лет со дня основания первой русской химической лаборатории, которая создана была опять-таки Ломоносовым" ("Ломоносовский Сборник"). Физико-химические труды Ломоносова появились в коллекции Оствальда: "Klassiker der exakten Wissenschaften" (No 178). Из историков химии особенно высоко оценили Ломоносова G.W. Kahlbaum, P. Diergart и M. Speter. Профессор Меньшуткин дает следующую "историческую справку": "В 1865 г., когда исполнилось столетие со дня кончины Ломоносова, в торжественных заседаниях академии и университетов производилась оценка его трудов учеными того времени. В их речах мы находим мало указаний на то, что сегодня мы выставляем, как наиболее важное в тру-

дах Ломоносова, как-то: механические теория тепла и газов, физическую химию. Эти мысли не казались в 1865 г. особенно выдающимися; хотя и прошло сто лет после смерти Ломоносова, совершенно аналогичные физические теории уже были незадолго до того предложены известными учеными XIX века, но они в то время не получили еще распространения, и понадобилось еще несколько лет, прежде чем они вошли в научный обиход. Расцвет физической химии принадлежит только концу прошлого столетия. Эти факты показывают, насколько гений Ломоносова опередил свой век". Все научные труды Ломоносова при всей высоте своего теоретического содержания, имели и ближайшее, чисто практическое приложение. Свою "науку" Ломоносов старался обратить прежде всего и больше всего на служение живым потребностям и нуждам "российского света" и "российского народа". Ломоносов доказывал, например, "что у нас нет природных россиян ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых, ниже самих профессоров в самой Академии и

в других местах"; необходимо "набирать студентов из семинаристов", "отправлять природных российских студентов в чужие края для окончания обучения", допускать к образованию все без различия сословия, заботиться об умножении переводных книг. "Во всех европейских государствах, - пишет он, - позволено в академиях обучаться... всякого звания людям, не выключая посадских и крестьянских детей, хотя там уже и великое множество ученых людей. А у нас в России при самом наук начинании, уже сей источник регламентом по 24-му пункту заперт, где положенных в подушный оклад в университет принимать запрещается. Будто бы сорок алтын столь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина". В какой степени Ломоносов стоял вообще со своею "наукою" на почве действительности, в какой степени знаменитый писатель, вышедший из народа, "искренно любил свой народ и желал ему счастья, понимая в чем оно состоит" - это показывают многочисленные его статьи по вопросам чисто общественного характера, це-

льный ряд проектов, сохранившихся лишь отчасти, больше в отрывках, в черновых бумагах, иногда и совсем не уцелевших и известных только по случайным упоминаниям. Таковы: "Рассуждение о размножении и сохранении русского народа", "О истреблении праздности", "О исправлении нравов и о большем народе просвещении", "О исправлении земледелия", "О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств", "О лучших пользах купечества", "О лучшей государственной экономии", "О сохранении военного искусства во время долговременного мира". Сохранившийся трактат "О размножении и сохранении русского народа" обнаруживает всю широту понимания Ломоносовым общественных вопросов. Он доказывает, что для увеличения количества рождающихся ("для обильнейшего плодородия родящих") необходимо: 1) устранить браки между лицами несоответствующих лет; 2) отменить "насильное" супружество, брак по принуждению; 3) отменить закон, запрещающий жениться более трех раз; 4) отменить пострижение молодых овдовевших священников и дьяконов в мона-

хи, а мирянам запретить принятие монашества до 45 - 50 лет. Для сохранения рожденных необходимо: 5) учредить "богадельные дома" для приема внебрачных детей, 6) бороться с болезнями новорожденных; 7) устранить вредный обычай крестить младенцев в холодной воде; 8) бороться с неводержностью русского народа и всеми мерами содействовать более разумному образу жизни, не отзывающемуся слишком вредно на человеческом здоровье; 9) бороться с болезнями путем организации надлежащей медицинской помощи; 10) бороться, по возможности, с причинами смерти от моровой язвы, пожара, потопления, замерзания и т. д. (И. К. Сухоплюев "Взгляды Ломоносова на политику народонаселения", в "Ломоносовском Сборнике"), Ломоносов доказывает, что великий пост у нас приходится "в самое нездоровое время года, что здесь не принята в соображение жестокая природа севера". Он говорит о совершенном отсутствии по русским деревням врачей, "от чего смертность особенно увеличивается", о "частых и великих пожарах", о "драках в народе, разбоях, пьянстве", о притеснениях рас-

кольников, о рекрутчине, от которой русские люди бегут за границу. Трактат показывает, как справедливо замечено, "как хорошо знал Ломоносов русскую жизнь, в каких ясных образах подымалась она перед нами". В сочинениях гениального крестьянина русская литература сразу поднялась на высоту широкого, сознательного служения русскому обществу и русскому народу. Литература. "Собрание сочинений" Ломоносова вышло уже при его жизни (СПб., 1751, 1767 - 1759). В 1778 годах выходит "Собрание разных сочинений в стихах и прозе", под редакцией епископа Дамаскина Семенова-Руднева, оставшееся лучшим до предпринятого под редакцией академика Сухомлинова академического издания. Дальнейшие издания представляли в тексте все больше и больше искажений или буквально перепечатывались с издания Дамаскина. Гораздо ниже издания Дамаскина стояло, например, предпринятое в 1784 - 1787 годах Российской Академией "Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений"; с новыми искажениями переизданное в

1803 - 1804 годах, повторением издания Да-маскина; отчасти было даже полнее - был напечатан настолько небрежно, что на редактора Козодавлева была написана эпитаграмма: "О. К. (Он-Како) друг Крамзы (т. е. Державина-Мурзы), но только друг нахальный, Кем изуродован, как бабкой повивальной, Малерб российских стран, пресладостный певец...". Сам Козодавлев, впрочем, этой эпитаграммы не заслуживает; им была напечатана лишь первая часть издания; а помещение в нем писем Ломоносова было прямой заслугой Козодавлева. Значительные достоинства имело издание, вышедшее в 1787 г. в Москве, в типографии Новикова; здесь помещено довольно много вариантов. Академическое издание 1804 г., с новыми искажениями, служит основой смирдинского издания (СПб., 1847), едва ли не худшего из всех. Несколько более исправным было издание Перелесского "Избранные сочинения Ломоносова" (М., 1846). Вполне достойного издания произведения "творца новой русской литературы" дождались лишь в самое последнее время, и еще не вполне: предпринятое Академией Наук изда-

ние сочинений Ломоносова под редакцией академика Сухомлинова остается до сих пор незаконченным (вышло 5 томов, СПб., 1891 - 1902). Первые восторженные отзывы о литературной деятельности Ломоносова, вместе с некоторыми о нем биографическими сведениями, принадлежат графу А.П. Шувалову : "Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof" (1765, напечатанную Куником в "Сборнике материалов для Истории Академии Наук", т. I, СПб., 1865), Дмитревскому ("Nachricht" и пр., 1768), Новикову ("Словарь", 1772), Штелину ("Воспоминания"). Статья из "Словаря" Новикова была перепечатана при издании Дамаскина. "Воспоминания" Штелина послужили, по-видимому, материалом для биографического очерка Ломоносова, напечатанного при издании его сочинений 1784 - 1787 годов и составленного, как не раз предполагают, В. Веревкиным. В подлинном виде "Воспоминания" Штелина не сохранились; все, что дошло до нас, издано у Куника ("Сборник материалов" и пр., т. II, СПб., 1865, стр. 383 405; здесь же некоторые пояснительные к ним примечания; ср. Пекарского "История Академии Наук", I, СПб.,

1873, стр. 560 - 561). "Жизнеописание Ломоносова" перепечатывалось и после и долго служило единственным источником, откуда почерпались сведения о Ломоносове... До 30-х годов XIX столетия Ломоносова ценили исключительно как поэта; об ученых трудах его почти не упоминали, да их и не знали. Более широкое критическое отношение к деятельности Ломоносова начинается с Пушкина и Белинского; собственно научные изучения - с книги Буслаева: "О преподавании отечественного языка" (М., 1844) и замечательного для своего времени труда Константина Аксакова: "Ломоносов в истории русского языка и русской литературы" (М., 1846; в "Собрании сочинений", II, М., 1875). Тихонравовым впервые были напечатаны некоторые сочинения Ломоносова; "Суд российских письмен", записка "Об обязанностях духовенства" ("Летопись русской литературы", 1859, кн. 2), "Рассуждение о размножении и сохранении российского народа" ("Беседы в Обществе Любителей Российской Словесности", III, 1871; ср. "Рус. Старина", 1873, т. VIII, стр. 465 - 580), где то же сочинение напечатано по другому списку, до-

ставленному Пекарским). История напечатания последнего трактата показывает, с каким трудом появлялись у нас иногда даже произведения наших классиков (см. Сухомлинова "Исследования и статьи", I. СПб., 1889, стр. 459 - 460, 524 - 526). Любопытные сведения о заграничных студенческих годах жизни Ломоносова даны в статье Сухомлинова: "Ломоносов, студент Марбургского университета" ("Русский Вестник", 1861, кн. 1). Наиболее ранняя оценка Ломоносова, как историка, сделана была Соловьевым ("Русские историки XVIII в." - "Архив историко-юридических сведений" Калачова, т. I, кн. 1. М.). С 1865 г., в связи с юбилейными чествованиями, изучение Ломоносова становится на более твердую почву. К этому времени относятся труды: Билярского "Материалы для биографии Ломоносова" (СПб., 1865); Пекарского "Дополнительные известия биографии Ломоносова" (приложение к VIII т. "Записок Академии Наук", 1866, No 7); Куника "Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук" (СПб., 1865); В. Ламанского "Ломоносов и Петербургская Академия Наук" ("Материалы к столетней па-

мяти его. 1765 - 1865 годы", М., 1865). Эти четыре книги, заключающие в себе массу документальных материалов первостепенной важности, представляют и до сих пор едва ли не наиболее ценные материалы для изучения обстоятельств жизни Ломоносова. Труд Биллярского не отличается научным беспристрастием; помещенные здесь материалы не только страдают крайней односторонностью подбора, но из них иногда прямо вырезаны те места, которые дают делу другое освещение. К тому же 1865 г. относится целый ряд различных более мелких статей, исследований, речей; из них наиболее ценны: Н. Н. Булича труды ("К столетней памяти Ломоносова" Казань, 1865), Грота ("Очерк академической деятельности Ломоносова", СПб., 1865), Н. А. Любимова ("Ломоносов и Петербургская Академия Наук", "Русский Вестник", 1865, кн. 3), Н. Лавровского ("О Ломоносове по новым материалам", Харьков, 1865), сборник статей и речей, явившихся в Москве: "Празднование столетней годовщины Ломоносова в Императорском Московском университете" (М., 1865, статьи Соловьева, Буслаева, Тихонравова, Бодянского,

Шуровского, Лясковского и др.), подобные же сборники статей и речей, явившиеся в Харькове и Казани. С юбилейным чествованием Ломоносова в 1865 г. в значительной доле связаны появившийся вскоре более обширный труд Будиловича : "Ломоносов как натуралист и филолог" (СПб., 1869), и дальнейший библиографический труд того же автора: "Ломоносов как писатель" ("Сборник II Отделения Академии Наук", т. VIII, СПб., 1872). С юбилейными чествованиями связано и напечатанное в том же "Сборнике Академии Наук", очень ценное до сих пор библиографическое издание Пономарева : "Материалы для библиографии о Ломоносове". Капитальным приобретением, сохраняющим это значение всецело и до сих пор, является вышедший в 1873 г. II т. "Истории Императорской Академии Наук" Пекарского, большая часть которого занята обширной биографией Ломоносова. Из более поздних трудов о Ломоносове выдаются исследования и статьи: Г. А. Воскресенского ("Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия", М., 1890), Пыпина ("Ломоносов и его современники", - "Вестник Евро-

пы", 1895, март), Е. В. Петухова ("Эпиграмматические, сатирические и шуточные стихотворения Ломоносова" ("Сборник учено-литературного Общества при Юрьевском Университете", I, 1898), П. Н. Милюкова ("Главные течения русской исторической мысли", I, М., 1897, характеристика Ломоносова, как историка), Е. Ф. Будде ("Несколько заметок из истории русского языка", "Журнал Министерства Народного Просвещения", 1898, март, и "Очерк истории современного литературного русского языка", в "Энциклопедическом Словаре Филол.", выпуск 12, СПб., 1908), Истомина ("Главнейшие особенности языка и слога Ломоносова", "Русский Филологический Вестник" 1896), А. П. Колдубовского ("Об источниках Ломоносовского учения о трех стилях", в сборнике статей в честь профессора М. С. Дринова, Харьков, 1905). Капитальным вкладом в научную литературу о Ломоносове является упомянутое выше академическое издание "Сочинений Ломоносова" под редакцией академика М. И. Сухомлинова; текст сочинений тщательнейшим образом проверен по рукописям и первопечатным изданиям, в обшир-

ных примечаниях приведены варианты, переводы и подражания Ломоносова сличены с подлинниками. Новое оживление в изучении жизни и деятельности Ломоносова вызывает празднование в 1911 г. 200-летия со дня его рождения. В "Ломоносовском Сборнике" Академии Наук, кроме указанных выше, помещены еще статьи В. И. Резанова, В. Н. Перетца, С. А. Белокурова, А. Грандилевского, И. М. Сибирцева. См., далее, А. И. Соболевского "Ломоносов в истории русского языка" (СПб., 1911), Е. Ф. Карского "Значение Ломоносова в развитии русского литературного языка" (Варшава, 1912), В. В. Сиповского "Литературная деятельность Ломоносова" (СПб., 1911), С. Г. Вилинского "Идеалы М. В. Ломоносова" (Одесса, 1912), И. И. Замотина "Две стихии в литературной и общественной деятельности Ломоносова" (Варшава, 1911), И. А. Тихомирова "О трудах Ломоносова по русской истории" ("Журнал Министерства Народного Просвещения", 1912, кн. 9). Обширные библиографические материалы помещены в книге профессора Венгерова: "Русская поэзия XVIII века" (выпуск VI, СПб., 1897, стр. 273 - 313).

Статья известного русского литературоведа А. С. Архангельского "Ломоносов" из "Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона" (1911 -1916). Статья приведена с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.